

ЭЛИЗАБЕТ БЭР

18+

ХОЛОД

Иногда величайший грех –
это выживание.

FANZON

Fanzon. Звездные короли. Мастера современной фантастики

Элизабет Бэр

Холод

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бэр Э.

Холод / Э. Бэр — «Эксмо», 2010 — (Fanzon. Звездные короли. Мастера современной фантастики)

ISBN 978-5-04-248950-1

Иногда величайший грех — выживание. Корабль поколений едва пережил ряд катастрофических потрясений — как внешних, так и внутренних. Теперь, уносимый ударной волной от вспышки новой звезды к неизвестной судьбе, поврежденный корабль — единственный мир, который когда-либо знали его обитатели, — по-прежнему остается зоной боевых действий. Пока новый капитан Персеваль пытается справиться с травмами недавнего прошлого, остатки мятежников продолжают угрожать экипажу и безопасности корабля. Тем временем родственники Персеваль, Тристен и Бенедик, ведут смертельно опасную игру в кошки-мышки, преследуя предателя, а сам корабль и его системы начинают обновляться и перестраиваться странными и опасными способами. Но самая коварная угроза зреет там, куда никто не догадался заглянуть. И этот неумолимый враг способен навсегда изменить облик корабля — если разношерстная группа героев не сумеет его остановить. «Откровения о создателях корабля, семейные драмы и давние секреты тайного ордена жрецов-навигаторов составляют увлекательное продолжение "Праха". Хотя творчество Бэр остается созвучным Желязны и Мервину Пику, ее стиль полностью уникален, а проблемы Дома Коннов имеют особый, неповторимый колорит». — Yale Books «Выдающийся автор научной фантастики, оставляющий многих своих современников далеко позади». — SFReviews ««Холод» — это не просто продолжение: книга стоит прочтения хотя бы ради богатства мира и глубины персонажей». — Goodreads «Продолжение, которое оправдывает ожидания поклонников серии». — Eyrig «Автор сочетает большие научно-фантастические идеи с яркими сюжетными элементами и изобретательностью, давая свободное пространство своей фантазии». — Strange Horizons

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-248950-1

© Бэр Э., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

1. На полпути к подъему	7
2. Хрупкие кости	13
3. Сила души	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Элизабет Бэр

Холод

Elizabeth Bear
Chill

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается Томасу Ладегарду

Глендаур

Я духов вызывать могу из бездны.

Хотспер

И я могу, и каждый это может,

Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

У. Шекспир, «Генрих IV», ч. I, действие 3, сцена 1¹

¹ Пер. Е. Бируковой.

1. На полпути к подъему

Когда огромный корабль пришвартован в гавани, то он, несомненно, находится в безопасности. Но... огромные корабли строят не для этого.

Кларисса Пинкола-Эстес, «Письмо молодому активисту, живущему в беспокойные времена»

Первым намеком на то, что сознание возвращается, стал ручеек ледяной воды, который тек по его векам, ресницам, ноздрям. За водой последовала прокатившаяся по телу волна боли, слишком мощная, чтобы симбионт мог ликвидировать или заглушить ее.

Тристен Конн, лежавший в резервуаре, открыл глаза. Пока по нему стекала гипербарическая жидкость, его грудную клетку сдавил спазм. Сломанные ребра вонзились в тело. Резервуар выплеснул его, словно новорожденного, покрытого гирляндами окровавленной слизи, на пол.

Тристен оттолкнулся от пола, но разбитые в мясо руки не смогли приподнять его лицо над лужей из насыщенной кислородом жидкости. Его стошнило. Слизь, подкрашенная синей кровью, потекла из его носа и рта, а с ней – яркие кусочки зубов и легких.

Он не смог поднять голову. Он подумал: «И никого не стало», и пожалел о том, что не может считать себя мертвым.

Он здесь. И если он ранен, значит, он жив. Рядом с разбитой щекой по полу тянулись синие щупальца; они встречались и сливались, словно ртуть, а затем отправляли свои рукава на поиски Тристена. Пока симбионт репатриировал обособившиеся от него части, боль усиливалась. Сломанные кости двигались в разорванном мясе; тело Тристена и его симбионт пытались излечиться.

Он бы заскулил, но самым громким звуком, который мог вырваться из него, был свист затрудненного дыхания.

Пока жидкость текла по его плечам и шее, он лежал и смотрел на казавшуюся бесконечной кривую капсул, протянувшуюся вдоль стены трюма. Вес всего этого пустого пространства придавил его к полу с той же силой, что и искусственная гравитация мира. Оказавшись в этом положении, Тристен получил время на размышления.

Одна из его мыслей была: «Не странно ли, что открылся только мой резервуар?»

Он лежал до тех пор, пока жидкость на его теле не превратилась в желтоватые корки, а по коже не побежали мурашки от холода. Боль от обломков костей уменьшалась по мере того, как симбионт возвращал скелет в порядок. Как только кости начали срастаться и пошел процесс исцеления разорванной плоти и ушибленных органов, мощность симбионта восстановилась до того уровня, когда он занялся болью. Тристен смог сделать вдох, не закричав, и почувствовал, как расширяется его грудная клетка и как изгибается диафрагма. Он прижал ладонь к рифленому покрытию пола.

Ладонь расширилась, когда Тристен перенес на нее свой вес. Мышцы и кости внутри конверта из кожи выдержали. Он выпрямил локоть, поднял плечо, вытащил вторую, онемевшую руку из-под тела, оперся на нее, а затем оттолкнулся. Зафиксировал оба локтя и опустил голову.

Если стоишь на коленях, значит, уже наполовину встал.

Тристен сжал частично восстановленные зубы и довел дело до конца.

В течение нескольких секунд он мог лишь стоять. У него не было сил, чтобы протянуть руку и опереться на серую мембрану, которой открытая дверца резервуара была покрыта изнутри. Но он не знал, как быстро он сумеет подняться, если упадет, и хватит ли ему смелости это сделать.

Хлюпая по липкой жидкости, Тристен повернулся и сделал шаг, провел пальцами по капсулам и обрел равновесие. Он медленно и глубоко дышал – до тех пор, пока после очередного вдоха во рту не перестал появляться вкус крови. Он насыщал свою кровь кислородом. По крайней мере, атмосфера сохранилась.

Внимательно осмотрев искореженную выпуклость неба, Тристен поправил самого себя: по крайней мере, *здесь* атмосфера сохраняется.

Когда он разглядывал небо, ему было легче не смотреть на горизонт. Десять неуверенных шагов и сорок семь секунд, чтобы доковылять до панели управления резервуаром, который был вторым слева от его собственного. Этот резервуар оставался закрытым. Протерев запотевший экран, Тристен увидел, что оранжевых и желтых индикаторов на ней столько же, сколько и голубых, но даже когда он прищурился, чтобы сфокусировать расплывающуюся картинку, то не заметил ни одного красного.

Новая волна, волна облегчения, обожгла ему глаза и сдавила грудь, хотя он лишь через несколько секунд смог отделить это ощущение от боли.

Персеваль жива.

Он привалился к мятно-зеленой поверхности ее резервуара и какое-то время фокусировал внимание только на дыхании. Сила медленно возвращалась, но ему нужны ресурсы – белки, кальций, жидкости, коллаген и аминокислоты – все то, что симбионт расходует, залечивая раны.

Когда трюм перестал вращаться у него перед глазами, Тристен поднял голову.

– Эй?

Звук отозвался многослойным, сложным эхом, которое – если бы Тристен уже этого не знал – многое поведало бы о форме трюма, а также о числе и расстановке резервуаров. Тристана со всех сторон окружило тяжелое, звенящее эхо жидкости. Каждый находящийся рядом резервуар, если не считать его собственного, был заполнен. Тристен подумал о том, сколько разбросанных по миру выживших поверило голосу ангела, когда тот объявил о чрезвычайной ситуации, и сколько из них успели найти неповрежденные контейнеры.

– Конн, – он попытался найти в себе командирский голос. – Говорит Конн. Вы меня слышите?

– Принц Тристен.

Бесплотный голос принадлежал чужаку, но его интонации были достаточно знакомыми, чтобы добавить новые слои боли и печали к и так уже сложным чувствам. Это был голос нового ангела Персеваль, и Тристен представил себе, что так могла бы выражать свои мысли Риан.

– Я слышу тебя, – сказал Тристен Конн. – Как тебя зовут?

Последовала пауза, и эту паузу сделал не ангел. Когда прозвучал ответ, в нем было эхо голоса Персеваль, мутность мысленного проговаривания речи.

– Мне не дали имени.

– Мы снялись с якоря, – сказал Тристен, глядя на то, как под прозрачной кожей исчезают голубые синяки. – Межзвездный двигатель работает?

– Да, – ответил ангел.

Воздух заискрился, и он (Тристен предположил, что ангел – «он») стал видимым. Материал его конструкции весил всего несколько граммов, но этого оказалось достаточно, чтобы создать аватар, который выглядел вполне материальным. Облик ангела был андрогинным; ангел скорее казался поджарым, нежели стройным. С его острых плеч свисали рукава черной блузы, заканчивающиеся широкими манжетами, по которым тянулись крошечные стебли

с серебряными и пурпурными цветами. Смуглая кожа сливалась с короткими темными волосами.

– Мы поддерживаем скорость, равную приблизительно тридцати процентам от световой, – ответил ангел.

– Прочность конструкции?

Давным-давно Тристен прежде всего спросил бы про персонал. Но со зрелостью пришло понимание, что без машин жизни нет.

– Приблизительно 43 процента мира не пострадало, – сказал ангел. – Однако отдельные части надстройки остаются вне пределов досягаемости. Там я слеп и нем. Судя по неполным доступным данным, до взрыва сверхновой структурная целостность составляла 64,3 процента.

Наконец Тристен позволил себе спросить:

– Потери?

Он представил себе вращающуюся сеть мира, который мчит сквозь Врага, оставляя за собой след из незаменимых материалов и бесконечно заменимых жизней. Симбионт мог вернуть утраченные капли крови Тристена и фрагменты тела, но все попавшее во Врага пропало навсегда.

Пока Тристан спал, мир сжался.

– Применяя метод экстраполяции, я оцениваю их в 16 процентов, – сказал ангел. – Мои программы коммуникации и проприоцепции повреждены. Связь с внешними секторами неустойчивая. Во всех секторах, с которыми я до сих пор поддерживаю связь, уровень жизнеобеспечения ниже оптимального. Мир подвергся воздействию мощной дозы излучения. Ударная волна нанесла ему большой урон. Мы потеряли значительную часть атмосферы. Я синтезирую углерод и кислород из доступных и регенерированных материалов и пытаюсь сохранить биологическое разнообразие, но нам еще довольно долго придется действовать в минимальном составе. Это подводит меня к причине, которая заставила меня разбудить вас раньше срока. Принц Тристен, я очень сожалею, но мне нужна ваша помощь.

Тристен совершенно не ожидал услышать такие слова от ангела, и его сердце разбилось по той линии разлома, о существовании которой он и не подозревал.

Стремление ангела говорить таким образом было связано не с Самаэлем, Азрафилом или с Прахом, а с совершенно иным сознанием, которое машина поглотила. Он отбросил эту мысль. *Эта игра до добра не доведет, принц Тристен.*

– Что я могу для тебя сделать? – спросил он.

– Я боюсь, что мой Капитан утратила храбрость и решимость, – сказал ангел. – И она не желает разговаривать с кем-либо, кроме вас. Она говорит, что вы должны стать ее Первым помощником и что я должен выполнять ваши приказы, а Капитана оставить наедине с ее горем.

Тристен прислонился к резервуару Персеваль; зеленая, словно медицинская, ткань обивки липла к коже на спине. Он позволил ладони распластаться на поверхности камеры, словно мог преодолеть слои полимеров и жидкости и прикоснуться к племяннице. Желание Персеваль, чтобы ее оставили в покое, было ему очень хорошо знакомо.

Какой бы храбростью и решимостью ни обладала Персеваль, она все еще была очень, очень юной.

– Ладно, – сказал он. – Система жизнеобеспечения в Двигателе работает?

– По сравнению с остальными частями мира домен Двигателя не так сильно поврежден, сэр.

– Прежде всего мы должны отремонтировать мостик. Начинать будить всех инженеров, которые выжили.

– Слушаюсь, сэр, – ответил ангел.

Тристен поднял руку.

– Сначала Кейтлин Конн, – добавил он. – И, пожалуйста, нарисуй мне схемы мира в его нынешнем состоянии.

– Мне удалось установить с ней контакт, сэр. Я сделаю все, что в моих силах.

Мостик не лежал в руинах. Вспомнив, в каком состоянии он был, Тристен мог лишь предположить, что ремонт данной части корабля с самого начала входил в число главных приоритетов ангела. Исправить мостик значит служить Капитану, и, соответственно, принести пользу самому миру. Три вещи – ангел, Капитан и корабль – были неразрывно связаны между собой в мифологии как Дома Двигателя, так и Дома Власти. Они переплелись и в реальности.

Тристен остановился в дверном проеме, думая о том, каким предстал перед ним мостик в прошлый раз – затянутым паутиной, ветшающим, открытым перед Врагом. А теперь Тристен шел по ковру из клевера с крапинами голубых васильков и лилового паслена. В тени кресел и панелей управления алые лепестки триллиума прижимались к почве; их застенчивость противоречила их цвету.

А над головой и вокруг – звезды.

Тристен знал, что это не вид из окна переднего обзора и что это изображение не «сырое», а отредактированное – потому что «Лестница Иакова» все еще мчалась вместе с расширяющимся полем обломков, которое образовалось в момент смерти звезд. Взрыв этих звезд придал миру ускорение. А теперь, когда электромагнитные сетки были перенастроены, чтобы загонять раздробленную звездную материю в алчные пасти мира, трупами звезд питались просыпающиеся двигатели корабля.

Тристен увидел звезды так, как они бы выглядели без лучезарного слоя пыли и газа – эффектную межзвездную ночь, не запятнанную новорожденной туманностью. Когда «Лестница Иакова» ускорится, она оставит фронт взрывной волны позади, но пока что они путешествовали вместе.

Отфильтрованные звезды выглядели неподвижными. На таком расстоянии и при таких скоростях видимое движение было незаметным.

Когда Тристен сделал паузу, чтобы насладиться этой панорамой, ангел снова появился перед ним. Его аватар переходил от одной панели к другой, словно они могли включиться только после его прикосновения. Тристен предположил, что Строителям было более комфортно находиться в обществе видимого доброжелательного существа, но самому Тристену оно казалось избыточным.

– Пожалуйста, открой панели состояния, – сказал Тристен. – О состоянии всего корабля...

– В том объеме, который у меня есть, – поправил его ангел.

– ...с акцентом на инженерном отделе. Отчеты о потерях и ущербе. Медицинское заключение о важных членах команды. Отчеты об износе материалов. Отчет о состоянии ключевого персонала, а также список пропавших и умерших.

Риан, конечно. Тристен подумал о том, включит ли ангел ее в число погибших. Фактически она не умерла, но даже если ее нет в живых, ее смерть – которая на самом деле была не смертью, а прекращением независимого существования – произошла до взрыва сверхновой.

Войдет ли ее имя в список или нет, Тристен не знал, но был уверен, что увидит в нем имена других, столь же близких ему людей.

Воздух перед ним потемнел, но не утратил прозрачность. По нему потянулись яркие столбцы слов и чисел. Для плебея они двигались слишком быстро, но Тристена эта скорость совсем не напрягала.

– Есть ли ключевые специалисты, состояние которых вы хотите установить прежде всего?
– спросил ангел. – Урон велик, и если я могу сфокусировать свои усилия...

– Кейтлин, – ответил Тристен. – Бенедик. Все члены семьи Конн и руководство Двигателя и Власти, – затем, скрипя зубами, он произнес имя, называть которое ему хотелось меньше всего: – И Арианрод.

Его внучка была виновна в убийстве, измене и развязывании биологической войны. Она и ее дочь Ариан распространили во Власти искусственный, смертельно опасный вирус гриппа, а также заключили союз с мятежным ИИ Азрафилом в попытке взять мир под свой контроль. Именно их действия привели к уничтожению Риан – другой дочери Арианрод, ребенка, который был дорог Тристену. Если бы она погибла во время взрыва сверхновой, это был бы определенный знак судьбы, но по опыту Тристен мог сказать, что провидение редко оправдывает свою репутацию.

– Резервуары, в которых находились люди с этими именами, не повреждены, – сразу же ответил ангел. – Принц Бенедик уже вышел. Главный инженер тоже. Остальную часть вашей просьбы я обрабатываю.

– Спасибо, – сказал Тристен.

В жизни Бенедика Конна были пробуждения и похуже, но лишь парочка, не больше. Протирая глаза от налипшей на них слизи, он выбрался из все еще влажной капсулы и почувствовал в костях тот самый особый исцеляющий жар, который ни с чем не спутаешь.

– Да пошло оно все в топку, – сказал он, врезавшись в стену соседней капсулы. Он ударился в нее плечом и благодаря этому не упал, но вдруг обнаружил, что все равно цепляется пальцами за сетку для грузов.

Его одежда и инструменты были упакованы в сетку, прикрепленную к его собственной капсуле. Все это ему пригодится. Ткань должна была выдержать.

– Насколько все плохо? – спросил он.

– Все плохо, – ответил ангел, разбудивший его. – По приказу Капитана Персеваль принц Тристен исполняет обязанности Первого помощника.

– Персеваль больна? – Бенедик выпрямился и, повернувшись, заметил сетку, в которой лежало его снаряжение. Он попытался развязать на ней узлы, но его руки слишком сильно тряслись, а онемевшие пальцы действовали так же ловко, как жирные сосиски.

– Персеваль еще не до конца исцелилась, и она страдает от горя, – ответил ангел, и Бенедик был готов поклясться, что услышал в его голосе знакомую ноту сочувствия. Ею она ранила, словно кинжал, причиняя ему острую боль. – Но она – Капитан. Она исполнит свой долг.

– Риан, – сказал Бенедик, просто чтобы услышать, как его голос произносит это имя.

Ангел помолчал, а затем, к сожалению, ответил:

– Простите, принц Бенедик, но я не Риан и не могу стать ею для вас. Внутри меня слишком много всего.

Бенедик покачал головой; переполнявшие его чувства мешали ему говорить. Он знал. И он имел в виду совсем другое.

Она перестала существовать, а он едва успел с ней познакомиться. Да, было бы легко обвинить во всем ее мать, но на самом деле он обманул их обеих. Если бы он постарался, то нашел бы другие способы сделать все это. И поэтому теперь – хотя Риан заслуживала большего – в память о ней Бенедик дал себе время на то, чтобы содрогнуться от боли.

А затем он закрыл глаза и представил себе, как поворачивается и уходит прочь.

В центре домена Бенедика находилась крепость с ледяными стенами, и он прекрасно в ней ориентировался. Сейчас он представил себе, что находится в длинном коридоре, который

ведет вниз; он увидел тяжелую дверь, которая открывается от его прикосновения. Он представил себе холодный спертый воздух, который касается его лица и рук.

Он вообразил, что заходит внутрь. Стены крепости были идеально чистыми, идеально замороженными. Он четко видел все, что происходит снаружи, но лед защищал его от боли.

Его сестра Кинрик взбунтовалась против их отца, Командора, а когда мятеж был подавлен, Бенедик стал ее палачом. По стандартам плебеев он не был особенно молодым, но по меркам возвышенных он считался очень юным. Он построил ледяную крепость, чтобы пережить тот день, но за прошедшие столетия возвращался сюда гораздо чаще, чем ему хотелось бы. Он приходил в крепость каждый раз, когда война или тяготы жизни не давали ему шанс кого-то оплакать. Бенедик пришел сюда, когда Кейтлин, мать Персеваль, бросила его за то, что он позволил воспитать свою вторую дочь в Доме Власти. Вот и сейчас он сказал себе, что воспользоваться крепостью в данный момент – это не позор.

Одним прикосновением Бенедик закрыл воображаемую дверь и почувствовал, как она захлопнулась. Он заперся, отгородился от боли – как и в тот день, когда потерял Кейтлин, как и в тот день, когда кровь Кинрик сначала извивалась, а затем запеклась на его руках.

Плебеи прозвали его сестру «Кинрик-Волшебница» и относились к ней со смесью страха и благоговения. Но в итоге волшебство ее не спасло.

Персеваль тоже предстоит это понять, иначе она не станет лидером. Бенедик научит ее этому – если она ему позволит.

Он стиснул кулаки, и ногти впились в его ладони. Он почувствовал, что рядом возникло размытое пятно жара, и заставил исчезнуть. Лед. Все вокруг – лед.

Где война, там и утраты. Он должен относиться к смерти своих дочерей как к гибели любого другого ребенка. Каждый малыш для генерала одинаково ценен.

Бенедик дал себе слово, что позднее станет отцом – скоро, до того, как прятаться от боли за ледяной стеной станет слишком легко. На этот раз он все сделает как надо.

Ему показалось, что он настроен серьезно, но ему было сложно поверить самому себе.

Когда Бенедик открыл глаза и снова заговорил, его голос был мягким и спокойным.

– Что нужно Тристену?

– Идите в центральный инженерный отсек, – ответил ангел. – Я должен разбудить Главного инженера.

Бенедик вытащил свои брюки из сеточного мешка и принялся с трудом их натягивать на себя, подозревая, что быстро накопить лед он не успеет.

2. Хрупкие кости

Глупец думает, что правосудия не существует, а иногда он даже говорит это вслух.

Томас Гоббс, «Левиафан»

На краю мира, на скале, расколовшейся от ускорения, слепой белый ястреб со змеиным хвостом расправил крылья и яростно замахал ими. Вокруг лежала вскопанная земля вперемешку со сломанными ветками. Гэвину не нужны были глаза, чтобы заметить, что дерево треснуло по спиральям вдоль волокон – это указывало на то, что оно сломалось еще молодым. В воздухе висели запахи древесного сока, раздавленных и гниющих фруктов, свежей земли и разлагающихся останков несчастных червей.

Ястреб снова замахал крыльями – так, чтобы подняться над скалой в этой разреженной атмосфере и при повышенной силе тяжести. Мир закрыл свои поры, чтобы Враг больше не подпитывался драгоценным воздухом, однако заменить утраченное удастся не сразу. Лес, что когда-то также был библиотекой, погиб, но библиотекарь, который все еще прятался в спасательной капсуле, выжил, а это означало, что можно будет снова посадить деревья и вырастить на них плоды, наполненные древним знанием.

Гэвин сделал свои крылья пошире, уменьшил массу тела и превратил его в решетку, тем самым увеличив свое качество планирования. Вот теперь он смог взлететь. Он поймал воздушный поток, позволил ему поднять себя и начал рыскать по разоренному трюму. Крылья понесли его над взорванным лесом; часть деревьев раскололась от верхушки до корней, другие все еще стояли, но по их коре протянулись глубокие вертикальные линии. Гэвин подумал, что лишь половину удастся спасти, да и то потому, что их сок кишмя кишит симбионтами. Остальные станут пищей для демонстражников.

Вскоре он почувствовал движение: какой-то человек сидел на корточках посреди гор жуткого месива. Двигаясь по спирали, Гэвин постарался, чтобы его крылья били по воздуху достаточно шумно. Не оборачиваясь, человек вскинул сжатый кулак.

Василиск ударил по кулаку Мэллори вытянутыми когтями, тщательно следя за тем, чтобы не поцарапать кожу, а затем замахал крыльями, сбрасывая скорость, и уселся. Под весом Гэвина рука Мэллори опустилась, но некромант был готов к этому и не оплошал. Гэвин перепрыгнул с кулака на плечо и уменьшился в размерах, а его хвост обвился вокруг теплой шеи.

– Все это весьма прискорбно, – сказал Мэллори и свободной рукой пригладил взъерошенные перья Гэвина.

Гэвин потерся лицом о его щеку, повернув голову, чтобы острый клюв не коснулся мягкой кожи.

– Деревья уничтожены.

– Да. – Мэллори раскрыл кулак, на который Гэвин недавно сел и о который теперь опирался крылом. Пальцы были грязными, словно Мэллори копался в земле.

На ладони некроманта лежала покрытая тонким слоем мякоти фруктовая косточка.

– Они мне нужны – все до единой. И черенки тоже. Саженцы придется клонировать, но как только деревья пойдут в рост, мы начнем их прививать.

– Твое повеление будет исполнено, – сказал Гэвин. Спрыгнув с плеча Мэллори, он превратился в сетку из тонкой проволоки и приступил к утомительной и кропотливой работе по восстановлению оставшейся библиотеки мира.

– А когда мы заново поседем библиотеку, что тогда? – спросил он.

Деревья принесут плоды далеко не сразу, но до того найдутся и другие задачи.

Мэллори, похоже, собирался ответить, но что-то его отвлекло.

– Когда будет готово, тогда и посмотрим, – ответил некромант. – Гэвин, возьми мой рюкзак. Похоже, что посадку придется поручить автоматам.

Гэвин изогнул длинную шею и повернул свои органы чувств в сторону Мэллори.

– Кто-то вышел с тобой на связь.

– Похоже, что нашими услугами решили воспользоваться, – кивнул Мэллори. – Пришла весть от Главного инженера: мы должны не мешкая отправиться во Власть.

Гэвин – слуга – спорить не стал.

– Повсюду так же плохо? – спросил он, расправляя крылья.

После долгой паузы Мэллори ответил:

– У некромантов работы будет хоть отбавляй.

Стоя перед капсулой для анабиоза, Кейтлин Конн смотрела на то, как водяные пары замерзают на поверхности крышки, и думала об убийстве. Только экзоскелет силовой брони удерживал истерзанное тело Кейтлин в вертикальном положении. Она еще не привыкла к молчаливости брони и отсутствию у нее характера; она скучала по демону, который жил в броне, в то время, когда в мире было спокойно. За много лет работы с ним она начала считать его своим другом – но он, как и его братья, умолк и был съеден.

Кейтлин очень жалела о том, что капсула, которую она разглядывала, не пострадала. Несколько соседних капсул в том же ряду пережили ускорение не так успешно, и сейчас в них зияли отверстия. Лежавшие в этих капсулах тела либо ремонтировали, превращая в немых воскрешенных, либо разбирали на компоненты. Позднее Кейтлин выяснит, что именно с ними стало.

Резервуар, перед которым она стояла, был полупрозрачным. На самом деле она не должна была заниматься им лично. Если бы она просто хотела посмотреть на то, как связанная Арианрод висит в соленой несжимаемой жидкости, она могла бы просто воспользоваться своими видеосистемами в инженерном отсеке. Кейтлин прямо сейчас могла представить себе созданную ими картинку: лицо Арианрод, закрытое волосами, словно водорослями. Здесь не было ничего, чего она не могла бы ощутить удаленно.

Но эмоциональный вес решения привел Кейтлин сюда, словно для того, чтобы встретиться с Арианрод лицом к лицу. Некоторые дела нужно делать лично, потому что так положено. Чтобы сделать этот выбор, она должна быть рядом. Ей нужна возможность протянуть руку и положить свою тяжелую латную рукавицу на выключатель, если она выберет именно такой вариант. Ей нужна возможность сказать себе, что ее привела сюда не месть, а простая математика. Для жизни Арианрод требуются ресурсы, которые лучше припасти для других – тех, чье существование не представляет угрозы.

Кейтлин вдохнула пахнувший пылью отфильтрованный воздух и подумала о необратимости своего решения. Оно по-прежнему не казалось чем-то незначительным, даже если учесть, насколько ограничены запасы ресурсов. Но она все держала в голове – атмосферное давление, химический состав воздуха и резкие перепады температуры в тех жилых зонах, где воздух не просто примерз к переборкам, превратившись в хрупкие пластины. В голове Кейтлин был и тот простой факт, что Арианрод пыталась убить ее дочь. Мир – те уголки, до которых Кейтлин могла дотянуться, – проник в нее, дал ей свою информацию в виде призрачных ощущений, наложенных на ее собственные. Эти сведения стали для нее защитным каркасом поверх ее брони, у которой стерли сознание. Это было новое и странное ощущение – ощущение ее мира, существующего и имманентного. Мира, который *подразумевается*.

Она почувствовала, что в ее сознании есть пробелы – в тех местах, где находились сломанные и просто пропавшие куски мира, те, с которыми были утеряны все контакты. Они отда-

вались странной болью, похожей на покалывание в онемевшей части тела, создавали ощущение пустоты, которое не давало ей покоя.

Так вот что это значит – быть Главным инженером восстановленного мира. Этот мир был восстановлен и искалечен одновременно, и Кейтлин была достаточно старой, чтобы в полной мере оценить горькую иронию происходящего.

Цена – в жизнях, материалах, прочности мира – была слишком высока, но ее все равно уплатили, и теперь придется возвращать долг.

В этой капсуле спала женщина, которую Кейтлин знала в течение столетий, рядом с которой Кейтлин работала, ребенка которой Кейтлин приняла как своего – до того, как этот ребенок пожертвовал своей жизнью и существованием, чтобы сорвать планы Арианрод. Просто продолжая жить, женщина в этой капсуле потребляла ресурсы, которые лучше потратить на тех, кто не предал Двигатель, Кейтлин, Самаэля и железный мир, который заключил их в своих теплых объятиях, сдерживая натиск Врага. Тело этой женщины содержит углерод, соль и органические вещества. Они могли бы принести пользу, став частью воздуха, которым они дышат, и стенами, которые их защищают.

Кейтлин могла бы не только заглянуть в резервуар, не используя свои глаза, но и изменить его настройки без помощи рук. Но находясь рядом с капсулой в момент принятия решения, Кейтлин в каком-то смысле отдавала дань уважения этой женщине, признавала, что это дело чрезвычайной важности.

Надеясь, что этим она отличается от отца, Кейтлин положила пальцы на выключатель.

– Главный инженер?

Знакомый голос, но со множеством незнакомых интонаций. Кейтлин отдернула руку; порванные мышцы и испытывающие сильную нагрузку кости запротестовали. Она развернулась и увидела темные локоны и изогнутые брови, которые когда-то принадлежали ее сводному брату.

Но Оливер Конн умер, и тот, кто надел его воскрешенное тело, был человеком из эпохи полета. Она никогда не была знакома с Оливером: да, он – тоже Конн, но один из младших, а за время, прошедшее с тех пор, как семья отреклась от Кейтлин, можно было уместить три или четыре жизни Оливера. И все же он обладал семейными чертами, и на миг Кейтлин задумалась о том, почему все ее братья и сестры решили выглядеть как их отец, мертвый Командор Аласдер.

Какие бы злые дела ни сотворили Арианрод и ее дочь Ариан, им, по крайней мере, удалось уничтожить Аласдера. Это, возможно, заставило бы Кейтлин посочувствовать им, но она не могла забыть о том, что они пытались, изувечили и едва не убили Персеваль.

– Главный инженер? – повторил юноша, который раньше был Оливером Конном.

Кейтлин поняла, что она в упор смотрит на него.

– Да?

Воскрешенный широко раскрыл глаза и сглотнул. Неужели она внушила ему благоговейный трепет? А если да, то будет ли жестоко с ее стороны посмеяться над ним?

– Принц Бенедик поручил мне передать сообщение. Он просит вас как можно быстрее вернуться в центральный инженерный отсек.

Не «в удобное для вас время» – так Бенедик сказал бы, если бы дело не было срочным. Он отправил гонца, вместо того чтобы вызвать ее напрямую. Трус.

– Как тебя зовут? – спросила Кейтлин.

– Джустьен, – ответил он, запинаясь. – Дамьен Джустьен. Я был навигатором.

– Джустьен, – повторила она, чтобы зафиксировать этот звук в памяти своего симбионта.

– Как хорошо, что ты лично доставил сообщение.

Он кивнул.

Кейтлин нажала кнопку выключателя на резервуаре Арианрод. Кнопка ушла вниз с громким щелчком. Кейтлин ввела код, чтобы разблокировать управление.

– Смотри, – сказала она, когда индикаторы статуса замигали, превращаясь из зеленых в желтые, оранжевые и красные. – Когда резервуар успокоится, подожди полчаса, а затем поставь знак, чтобы материалы отправили на переработку. Ясно?

– Полчаса после выключения, пометить содержимое, – повторил Джустьен.

– Когда все сделаешь, доложишь мне, – улыбнувшись, она похлопала его по плечу и отвернулась.

Даже когда она ушла, в ее сознании осталась картинка, на которой Арианрод – бледная, синевато-серая – плавает в своем резервуаре, закрыв глаза, а индикаторы на панели управления один за другим становятся красными.

Короткая прогулка обратно по разгромленным коридорам привела ее в уныние. Сорванные, побуревшие растения лежали под ногами и свисали с разорванных переборок. Заслышав ее шаги, насекомые разбежались во все стороны в поисках укрытий. Змеешейка слетела с перепутанных ползучих побегов на стене, схватила извивающуюся сколопендру, а затем снова исчезла, блеснув синим оперением. Значит, часть экосистемы выжила, даже оставшись без защиты. Мысль об этом слегка воодушевила Кейтлин.

Тут есть материалы для клонирования. Мир можно восстановить. Работа была огромной, пугающей, но выполнимой.

Когда Кейтлин зашла в великий рай Двигателя, то попыталась направить взгляд прямо вперед. Ее окружил город – огромная пустая сфера, где каждая поверхность была покрыта разрушенными постройками. Обломки свободно плыли в пространстве; воздух был разреженным и холодным. Гравитация была не так важна, как кислород, поэтому даже там, где Кейтлин плыла над землей, состав атмосферы был таким, чтобы в ней могли выжить возвышенные. Незакрепленные обломки представляли собой угрозу, но сейчас у Кейтлин не хватало ресурсов, чтобы заняться уборкой.

Кейтлин не жалела о решении возвысить каждое живое существо мира, ведь ни один плебей не пережил бы ускорения и излучения сверхновой, которая отправила мир в полет. Заразить их симбионтами – даже новыми и хрупкими, которые должны не только адаптироваться к телам новых хозяев, но и одновременно лечить их – это лучше, чем смотреть на то, как все они гибнут.

Теперь у них появился шанс на победу.

Поскольку гравитация отказала, Кейтлин было легче добраться до центрального инженерного отсека. Кейтлин развела руки в стороны, закрыла шлем и с помощью струйных рулей стала аккуратно продвигаться по огромному пространству, отталкивая обломки бронированной рукой. Поручни на дальней стороне облегчили процесс приземления. Раскачавшись, Кейтлин засунула ноги в люк, который открылся, подчиняясь ее безмолвной команде. Когда сила тяжести на дальней стороне поймала ее, Кейтлин изогнулась, чтобы приземлиться на корточки.

Центральный инженерный отсек был наполнен разбитыми панелями и разломанной мебелью. В центре в полном одиночестве стоял Бенедик Конн. На нем была броня, защищавшая от возможной разгерметизации корпуса. Он склонился над главным голографическим экраном навигации; его руки скользили изящно, словно у робота-сборщика, пока он занимался ремонтом. Ему помогал тихий набор инструментов, похожий то ли на кота, то ли на лемура с невероятно длинными передними конечностями. Полностью сосредоточившись на работе, он подергивал хвостом. Черный мех с золотистыми пятнами на его боках катился волнами, когда существо глубоко залезало во внутренности резервуара.

Когда-то это было маленькое и независимое живое существо со своим именем и чертами характера. А теперь оно превратилось просто в вещь – послушную, многофункциональную, поглощенную более крупным сознанием нового ангела мира.

Открыв щиток шлема, Кейтлин подумала про Риан и решила, что не будет морщиться на глазах у Бенедика. Когда она встала, ее ноги пронзила боль, но Кейтлин скрыла и это. Она перенесла вес тела на хрупкие, не до конца исцеленные кости – об их прочности заботился неутомимый симбионт. Если ее и дальше будут преследовать неудачи, нога будет заживать дольше. Кейтлин следовало бы сделать себе выговор – нужно не преодолевать боль, а сесть и ждать, пока она пройдет.

Замереть так же, как и Арианрод, которая все еще плавает – и умирает – в своем резервуаре. Так будет лучше. Будет еще лучше, если Тристен решит, что Арианрод погибла в ходе ускорения.

– Я установил контакт с Тристеном, он на мостике, – сказал Бенедик. Другого приветствия ей, скорее всего, ждать не стоило.

Кейтлин шагнула вперед; броня щелкала по полу, кости в левой ноге хрустели на каждом шагу. Она остановилась сбоку от брата и отклонила голову назад, чтобы взглянуть в его профиль. Тусклые черные волосы обрамляли длинное прямоугольное лицо, делая его еще длиннее. Он не отвел взгляд от экрана; если бы он не заговорил ранее, если бы он не был Бенедиком, возвышенным и более бдительным, чем все, кого она знала, то ей бы показалось, что он вообще ее не заметил.

– Персеваль? – спросила она.

Бенедик сжал губы.

– Горюет.

– Она молода, – сказала Кейтлин. – Она исполнит свой долг, сделает все, что нужно.

Он все равно не повернулся к ней, хотя она знала, что симбионт показывает ему каждую эмоцию, которая отражается на ее лице.

– Знаю, – сказал Бенедик, а затем нехотя добавил: – Один из нас мог бы пойти к ней.

Укол боли в груди Кейтлин был настолько сильным, что она задохнулась. Может, он и не станет поворачиваться к ней, но она его как следует рассмотрит. Ее пальцы задержались, и Кейтлин не могла понять – то ли ей хочется потянуть за его рукав, то ли ударить.

– С ней Тристен. Этого достаточно.

– Он не...

Вот теперь он посмотрел на нее; его голова повернулась так резко, словно он старался помешать этому, но силы в конце концов оставили его.

– Нет, – сказала она. – Ты – ее отец. Но ты здесь, и тут действуют законы спасательной шлюпки. Занимайся делами там, где находишься, Бен.

Другой человек – особенно другой Конн – в ответ сказал бы что-нибудь жестокое, но Бенедик лишь крепче сжал губы и, не опуская взгляда, кивнул.

Кейтлин поняла: это было решение, которое он уже принял, к которому он уже подготовился, но ему хотелось, чтобы решение приняла она. Он перекладывал неприятный выбор на нее – как и в те времена, когда они еще действовали заодно.

Кейтлин тоже не собиралась опускать взгляд. Она все еще обдумывала свою следующую реплику, решая – то ли закончить разговор, то ли заставить Бенедика перейти на следующий уровень честности, как вдруг поток данных из капсулы Арианрод, который находился на периферии внимания Кейтлин, заявил о себе – потому что оборвался словно нить.

3. Сила души

И сделаю потомство твое, как прах космический; если кто может считать прах космический, то и потомство твое сочтено будет.
Книга Бытия, 13:16 «Новая эволюционистская библия»

Кейтлин широко раскрыла глаза; Бенедик задвигался. Пока она, лязгая броней, поворачивалась к двери, он оперся о разделявшую их консоль и перепрыгнул через нее. Его башмаки стукнули о пол там, где ноги Кейтлин были всего миг назад: старые инстинкты, отработанные за время работы в команде, никуда не делись.

Кейтлин пригнулась. Броня помогла ей совершить прыжок, но Бенедик услышал, как Кейтлин рычит от боли. От сочувствия Бенедика отделяла стена льда, поэтому он скорее заметил его, чем почувствовал, – и порадовался, что это именно так, а не иначе.

Кейтлин схватилась за край сломанного люка и, раскачавшись, бросила себя в отверстие. Бенедик последовал за ней. Его ноги уже начали восстанавливаться после травм, и он был гораздо выше Кейтлин. С помощью доспехов он прыгнул, вцепился в край люка и полетел по дуге в микрогравитацию, следуя по пятам за Главным инженером.

Она уже плыла по наполненному обломками раю. Бенедик оттолкнулся, заскользил вслед за ней; ему не хотелось без крайней необходимости ускоряться с помощью двигателей. Когда он добрался до противоположной стены, от Кейтлин его отделяло лишь несколько метров; повторив ее элегантный прыжок, он оказался в коридоре и услышал резкий стук ее ботинок. В забеге он ее догнать мог.

– Почему мы бежим? – выдавил он из себя, задыхаясь, когда опередил ее.

– Я потеряла поток информации из резервуара Арианрод.

Ее слова между тщательно контролируруемыми вдохами звучали четко. Каждый шаг сопровождался негромким звуком, слишком тихим, чтобы его можно было назвать рычанием. Бенедик поморщился, скрежеща зубами, словно мог разделить с ней боль.

Но в его помощи она не нуждалась.

И она была права. Бенедик потянулся к сети, пытаясь нащупать место, где находится «гроб» Ариан, и обнаружил лишь пустое пространство. У него не было такого же подключения к миру, как у Главного инженера, но достать пульт управления он мог. Стараясь управлять своим дыханием, он спросил:

– Пульт отказал? Нет, целый сектор. Что произошло?

Кейтлин покачала головой, и локоны вырвались наружу из-за открытой маски.

– Я убила ее, – сказала она. – Я отключила систему жизнеобеспечения в резервуаре.

Она прибавила шаг, но он легко держался наравне с ней. Он мог бы осудить ее, призвать к ответу, заподозрить, что ее решение связано с мечтой о мести – то есть с тем, в чем Кейтлин обвиняла его самого. Но это было бессмысленно и несправедливо, и совсем не похоже на Кейтлин. Никто так не умел затаить обиду, как Кейтлин Конн, но это никак не отменяло ее рыцарской натуры, а Бенедик никогда не сомневался в ее принципах.

Именно из-за принципов Кейтлин его решения привели ее в такую ярость: она считала, что он продался. Она простила его за убийство сестры – возможно потому, что его он совершил по просьбе Кинрик. Но то, что он вступил в переговоры и заключил альянс с Арианрод, казалось ей немыслимым – несмотря на то, что у него были веские причины.

Сейчас он был вынужден признать, что она оказалась права. И он понимал, на чем построена система ее морали. Насколько ему было известно, за всю свою жизнь Кейтлин Конн предала только одного человека – их отца. И оставалось неясным, можно ли это назвать зло-

деянием, ведь он не сделал ничего, чтобы заслужить чью-то преданность. Какой бы ни была история предательств в семье Коннов, она началась с Аласдера.

– Чтобы сэкономить ресурсы, – сказал Бенедик.

Кейтлин искоса посмотрела на него, удивленно подняв брови. Она подумала, что он так резко изменился? Или что она никогда его не знала?

– Нужно было остаться и довести дело до конца, – добавил он.

Никогда не оставляй беспомощную жертву в смертельно опасной ловушке. Убедись в том, что она умерла.

– Кто-то, – сказала она, когда они подошли к камере, в которой находились капсулы, – прислал мне сообщение. И я оставила здесь часового – воскрешенного, которого ты отправил ко мне.

Ее косой взгляд говорил: «Если ты решил, что ему можно доверить сообщение, то я решила, что ему можно доверить такую работу, как постоять у смертного одра». Кейтлин замедлилась, жестом приказала Бенедикю остановиться и достала из кобуры пистолет. Она прицелилась, а затем подняла оружие на изготовку.

Бенедик последовал ее примеру и прижался к переборке по другую сторону от двери. Какие бы сложности ни возникли в их отношениях за последние пятнадцать лет, сейчас Бенедик и Кейтлин действовали как хорошо отлаженная машина.

Повернувшись, Кейтлин ворвалась в камеру, а Бенедик ее прикрывал. Пригнувшись, он тоже забежал внутрь, метнулся в сторону и прижался к стене. Здесь было слишком много укрытий, слишком много визуального и звукового мусора – кабели, камеры, звук и запах капающей жидкости и вонь разорванной в клочья плоти, лежащей в поврежденных капсулах. Бенедик расширил свое сознание, настроил органы чувств на то, что – возможно – было шлепаньем босых ног по полу. Да, сейчас его кожа была покрыта броней, но в ней было так много датчиков, что он при желании мог бы ощутить смещение воздуха. Если Арианрод еще здесь, то она все еще без одежды. Он сам запер Арианрод в резервуаре после поимки, и ее снаряжение он в сетку не положил. Возможно, он почувствует запах теплой мокрой кожи.

Это была не мистическая сила, но скорее повышенное внимание ко всему, что могли сообщить ему симбионт и броня. Подобный навык он обрел в ходе долгих тренировок, смысл которых заключался в том, чтобы создать надежные ощущения, научиться полагаться на них и действовать без колебаний. Тело знает, что приближается нож, так же точно, как муха ощущает приближение удара и взлетает, чтобы уклониться от него.

В данный момент тело Бенедика говорило ему, что никакого ножа нет. Но хотя он и доверял ему, он также не забывал об осторожности.

Правой рукой он постучал по керамической броне на бедре. Кейтлин бросила на него взгляд. Бенедик закрыл щиток шлема, и она повторила его движение.

Бенедик показал влево. Кивнув, Кейтлин двинулась туда, прячась за капсулами. Бенедик медленно пошел вслед за ней, чуть сбоку – так тихо, насколько это возможно в щелкающей броне.

Они направились к резервуару Арианрод, стараясь как можно чаще прятаться за укрытиями. В тридцати метрах от капсулы Кейтлин остановилась и поманила Бенедика к себе. Она поймала его взгляд; спрашивать, готов ли он, ей не требовалось.

Кейтлин выступила вперед. Он ждал ее сигнала.

– Ранен, – сказала она, и он выскочил из-за угла, чтобы прикрыть ее.

Воскрешенный, которого Бенедик отправил с сообщением, лежал на полу, и его голову окружала лазурная лужа. Кто-то нанес ему мощный удар. Других ран на теле посланца Бенедик не увидел, но никаких признаков расчленения не заметил и поэтому предположил, что умереть от полученного урона возвышенный не может.

– Он жив, – сказала Кейтлин, опускаясь на одно колено рядом с посланцем. Бенедик следил за ней краем глаза – его задача заключалась в том, чтобы искать угрозы. Она подняла взгляд: – Резервуар открыт.

– Ее там нет?

– Растворилась как дым, – Кейтлин встала. – Черт.

Она повернулась и обвела взглядом комнату, словно могла что-то заметить.

– У того, кто пришел за ней, было три минуты форы.

Убирать оружие Бенедик не стал. Камера с резервуарами была огромной, и тот, кто сумел отключить управление капсулой Арианрод, также смог перемещаться по отсеку незаметно для камер наблюдения, а это заставляло предположить, что этот человек обладает высоким уровнем доступа к системам мира. Говорить об этом не было смысла. Кейтлин сама все это знала – как и то, что подобные возможности свидетельствуют о нестабильности – или дефектах – недавно восстановленного ангела. Арианрод и ее спаситель, возможно, все еще где-то рядом.

– Если я уйду сейчас...

Бенедик не стал смотреть на Кейтлин, но она повернулась к нему и покачала головой.

– Нужно предупредить Тристена. Кроме того, тебе не следует уходить без припасов.

Потому что три минуты – это много, а погоня может затянуться. А тот, кто пришел за Арианрод, возможно, обеспечен всем необходимым.

– В шкафчике лежат носилки, – сказал Бенедик. – Давай проверим, есть ли люди, которые готовы проснуться, и тогда вызовем мостик и эвакуируем пострадавшего.

Она остановила его.

– Бен, я должна знать, можно ли тебе доверять.

В мелодраме он сдвинул бы щиток шлема и посмотрел ей прямо в глаза. Но он не обманывал себя: перед ним стояла Кейтлин Конн. Благодаря датчикам, встроенным в его доспехи, она в случае необходимости могла бы получить информацию о его частоте дыхания, пульсе и проводимости кожи. Да, его симбионт мог бы регулировать данные параметры, но тогда фактически началась бы своего рода гонка вооружений.

– Потому что Арианрод – мать моего младшего ребенка?

Пиан умерла, а он так и не успел как следует с ней познакомиться. Последнее – его вина, а вот смерть...

Он бы с радостью обвинил в ней Арианрод и ее старшую дочь Ариан, которая также была сводной сестрой Бенедика и Кейтлин. Узы родства в семье Конн были крайне запутанными.

Кейтлин посмотрела на него сквозь прозрачную маску. Бенедик повернулся, чтобы найти шкафчик, в котором есть складывающиеся носилки. Он стянул овал размером с руку со стойки, на которой когда-то лежало десять таких овалов, сориентировал его и включил. Овал развернулся, превращаясь в гамак; в четырех углах его поддерживали нейтрализаторы гравитации. Бенедик направил эту штуку к голове лежавшего на полу воскрешенного. Не дожидаясь просьбы, Кейтлин наклонилась к ногам воскрешенного.

Посмотрев друг другу в глаза, Кейтлин и Бенедик положили человека на носилки. Кейтлин включила нейтрализаторы, и носилки медленно поднялись в воздух.

– У нас есть дочь, – сказал Бенедик.

Именно Персеваль, которая теперь стала Капитаном, удалось, в конце концов, убить Ариан. Кейтлин уже начала отворачиваться. Благодаря датчикам на спине она и так могла увидеть Бенедика, но она все равно повернулась и бросила на него долгий взгляд. Это был очень трогательный момент.

– Я думала, что чувства – это ниже твоего достоинства.

Бенедик коснулся пульта управления носилками. Красно-желтая полусфера носилок наполнилась зеленым цветом и двинулась вперед. Она будет плавно лететь в любом направлении, выбранном Бенедиком, – до тех пор, пока его рука остается на панели управления.

– Наша дочь еще жива, – сказал он.

Если Кейтлин и могла что-то ответить, то оставила эти слова при себе.

– Принц Тристен, – сказал ангел, – возникли осложнения.

Тристен поднял голову, которую положил на руки. Должно быть, исцеляющий сон одолел его, заставив растянуться на панели управления. Тристен чувствовал, что на его щеке есть вмятинки от ручек и кнопок, а по лбу протянулась полоса, оставленная металлическим краем.

Аватар ангела стоял перед отремонтированной переборкой. Его внешность изменилась: теперь свет отражался от серебристых волос, словно от граней бриллианта. Ангел сложил ладони перед грудью, словно проситель.

– Без слова «принц» можно обойтись, – сказал Тристен, а затем с силой прижал руки к векам, вытащил корочки из уголков глаз. От его бороды пахло потом. – Где прорвало?

Он пожалел об этих словах, как только они сорвались с его губ. Кто знает, насколько буквально все воспринимает юный искусственный интеллект? Но ангел, похоже, отнесся к ним спокойно и не обиделся.

– Восстановление структурной целостности идет с адекватной скоростью, – ответил ангел. – Однако проприоцептивные данные по-прежнему выглядят хаотичными. Я поручил пылинкам собрать информацию о целостности мира в электромагнитном спектре, и если их не уничтожат обломки, то вскоре мы, по крайней мере, получим схему...

Возникла пауза: ангел подождал, когда поступят новые сведения, а затем продолжил:

– Принц Тристен, я получил сообщение от Главного инженера. Она хочет предупредить вас о том, что Арианрод сбежала, и просит вас как можно быстрее выйти с ней на связь. Кроме того, возникла дополнительная сложность. Похоже, что уровень урона, который получил мир, а также связанная с ним гибель людей оказались настолько высоки, что привели к активации определенных защитных механизмов.

Могут ли ангелы смущенно умолкнуть? Или это была уступка человеческой слабости? Ангел хочет дать Тристену пару секунд, чтобы он мог собраться с мыслями и подготовиться? Или, быть может, за это время ангел собирался проанализировать его ответ. Ответов на эти вопросы Тристен не знал.

– Насколько все плохо?

– Запрос неопределенный, – сказал ангел. – «Плохо» – это оценочное суждение. В данный момент имеется развивающаяся ситуация, которая может превратиться в проблему.

– Поясни.

– Базовая программа «Лестницы Иакова» содержит несколько защитных программ, которые срабатывают в тех случаях, когда мир получил определенный уровень катастрофического урона. Одним из таких случаев был раскол главного ангела Исафила.

Прошло уже пять лет, но Тристен все равно не мог найти в себе хотя бы крупицу горя, когда вспоминал про Исафила. Да, современные ангелы были властными, надменными и одержимыми, но эти качества они обрели честно – и, по крайней мере, они не были всемогущими. Исафил обладал всеми этими качествами и к тому же был абсолютно предан программе Строителей. Тристен не сомневался в том, что Исафил прекрасно знал о сотнях тысяч замороженных мертвецов, лежащих в трюмах мира, – о сырье, которым можно воспользоваться в случае необходимости.

Когда первый мир был разрушен, когда первые возвышенные получили новые колонии симбионтов, системы не могли поддерживать целостность искусственного интеллекта, созданного Строителями. Руководствуясь инстинктом самосохранения, Исафил раскололся на маленькие, более специализированные образования. Так Исафил породил Праха, Ангела

памяти, и Самаэля, Ангела мутагенов и систем жизнеобеспечения; и Сусабо, Ангела тяги, и Азрафила, Ангела системы вооружения, – и других, более мелких существ.

Эти ангелы, как и следовало ожидать, стремились отстоять свою индивидуальность – и вступили в войну за право контролировать того, кто их объединит. Ни одному из них не удалось победить, и все они были поглощены. Безымянный ангел, собеседник Тристана, появился в результате этого конфликта, а черты личности он получил благодаря самопожертвованию девушки по имени Риан, сестры Персеваль.

– *На данный момент* проблему представляет программа, которая включается, когда объем жизнеспособных биоматериалов на борту падает ниже определенного критического уровня, – продолжил ангел. – Иными словами, получив уран от ударной волны и излучения, мир начал восстанавливать свою биосферу.

Тристен прижал ладони к панели.

– И что там?

Ангел сложил руки на груди.

– Интересный вопрос. И, к сожалению, поскольку уровень проприоцептивных данных продолжает падать, я не вполне уверен, что вам ответить.

– «Продолжает падать»? Ты теряешь новые секции?

– Да.

– Как это может быть?

– Причины пока не выявлены, – сказал ангел. – Причина может заключаться в каскадных отключениях колоний. Или – а это представляет собой более серьезную проблему – данная перезагрузка, если я могу использовать данный термин, возможно, идет в комплекте со своим собственным ангелом-хранителем.

– То есть вернулся Исрафил, – уточнил Тристен.

– Вернулся, – подтвердил ангел. – И готов действовать по плану Строителей.

Голос Тристана звучал в голове Кейтлин так же четко, словно он шептал ей в ухо.

– Похоже, что мы унаследовали целый комплекс дополнительных проблем.

– Давай, удиви меня, – сказала она, следя за тем, как Бенедик – все еще в доспехах, но без шлема – укладывает пайки-концентраты и бутылки с водой в сумку. – Будешь говорить по громкой связи, – добавила она, включая режим трансляции.

– Мир пытается восстановить популяцию, – сказал Тристен. – Кто знает, какие клоны выходят сейчас из резервуаров? Цель программы – максимально восстановить биоразнообразие после катастрофы; она основана на теории о том, что сбалансированная экосистема с большей вероятностью создаст себя заново, если в ней будет конкуренция.

– Напрасная трата ресурсов, – сказала Кейтлин.

– Вот такими были Строители. Максимальное кровопролитие как религиозный догмат.

Усиленный голос, похоже, достиг воскрешенного Джустьена. По крайней мере, он пошевелился и прижал руку к голове, закрытой нанобинтом, однако его глаза оставались закрытыми. Кейтлин жалела о том, что он до сих пор не исцелился. Комплект памяти, который находился внутри Джустьена, и навыки навигатора эпохи полета, из-за которых Бенедик разбудил его, принесут огромную пользу в самом ближайшем будущем.

– Напрасная трата ресурсов, – сказала она.

Кейтлин знала, какой уровень внешнего управления нужен, чтобы сохранить большинство отсеков в функциональном состоянии.

Одним касанием Бенедик закрыл сумку, прикрепил ее к плечу и щелкнул пальцами, подавая сигнал своему набору инструментов. Сидя в углу, набор подстригал когти на задней

лапе, прикрыв от удовольствия огромные сверкающие глаза. Повинуясь приказу Бенедика, он легко, словно белка, пробежал по обломкам приборов, прыгнул на протянутую латную перчатку и свернулся клубочком на плече Бенедика, а затем, моргая, выглянул из-под длинных волос.

Кейтлин не могла поверить, что кто-то постарался создать что-то столь невероятно милое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.